

Лимор Регев



МАЛЬЧИК ИЗ БЛОКА 66

**РЕАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
РЕБЕНКА,
ПЕРЕЖИВШЕГО
АУШВИЦ
И БУХЕНВАЛЬД**

Феникс. Истории сильных духом

Лимор Регев

**Мальчик из Блока 66. Реальная
история ребенка, пережившего
Аушвиц и Бухенвальд**

«ЭКСМО»

2021

УДК 929
ББК 63.3(0)6-8

Регев Л.

Мальчик из Блока 66. Реальная история ребенка, пережившего Аушвиц и Бухенвальд / Л. Регев — «Эксмо», 2021 — (Феникс. Истории сильных духом)

ISBN 978-5-04-195080-4

Январь 1945 года. Четырнадцатилетний Моше Кесслер сходит с поезда в концлагере Бухенвальд вместе с несколькими сотнями других детей. Пережив ужасы Аушвица, потеряв связь со всей своей семьей и пройдя «марш смерти» морозной зимой, Моше чудом остается в живых. В Бухенвальде новым домом Моше становится Детский блок 66. По мере приближения союзников немцы решают разрушить лагерь и снова отправить оставшихся узников на «марш смерти». Однако надзиратели не знают, что в Бухенвальде действует подпольное движение, главная цель которого – защитить бухенвальдских детей от гибели. Сопротивлением руководит знаменитый староста блока Антонин Калина, лично спасший в лагере более 900 детей со всей Европы. Тщательно реконструированная и эмоционально написанная, история Моше Кесслера рассказывает о его жизни в Блоке 66, ставшем одной из самых значимых страниц в истории Холокоста.

УДК 929
ББК 63.3(0)6-8

ISBN 978-5-04-195080-4

© Регев Л., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Счастлиное детство	10
Берегово становится Берегасом	21
Немецкая армия входит в Венгрию	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лимор Регев

Мальчик из Блока 66. Реальная история ребенка, пережившего Аушвиц и Бухенвальд

Limor Regev

The Boy From Block 66: A WW2 Jewish Holocaust Survival True Story

Copyright © 2021 Limor Regev

© 2021 Limor Regev

© irin-k, Bachkova Natalia, Michal Chmurski / Shutterstock.com

© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *



Лимор Регев

МАЛЬЧИК ИЗ БЛОКА 66

**РЕАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
РЕБЕНКА,
ПЕРЕЖИВШЕГО
АУШВИЦ
И БУХЕНВАЛЬД**



**Москва
2023**

*С вечной любовью и печалью Моше Кесслер посвящает эту книгу
своей любимой семье:*

*матери – Пауле Перл,
дочери Зива Блаубштейна
отцу – Герману Цви бен-Меир Ха-Коэн Кесслеру
брату – Арнольду Хаим Лейб бен-Цви Кесслеру*

С признательностью – доктору Лимор Регев, инициатору и автору этой книги.

Лимор – подруга моей дочери, Анат Химмельхох. Несколько лет назад она рассказала Анат о своем интересе к личным историям людей, переживших времена холокоста. Лимор спросила мою дочь, нет ли у меня желания рассказать свою историю. Анат не дала тогда однозначного ответа.

Несколько месяцев спустя Лимор и ее семья оказались среди приглашенных на бар-мицву моего младшего внука Рои Химмельхоха. После этого она еще раз подняла тот же вопрос. Пребывая в преклонном возрасте, я чувствовал ответственность за сохранение моей личной истории для моей семьи и будущих поколений.

Я начал встречаться с Лимор каждую неделю, и во время этих встреч перед нами разворачивалась история моей жизни.

Эта история началась с рассказа о моем детстве и завершилась на моей алии в Израиль в январе 1949 года.

Как результат в начале 2021 года Лимор представила мне мою историю в печатном виде. Я прочел книгу с большим волнением и остался доволен ее прекрасным литературным стилем.

Я приношу вам, Лимор, свою искреннюю и сердечную благодарность.

Моше

«Дедушка Роя Моше, пожалуйста, подойдите за благословением».

Я встал, медленно выпрямился и мелкими шажками направился к своему внуку, стоявшему передо мной в белой рубашке, счастливому и взволнованному. Я улыбнулся ему. Маленький светловолосый мальчик, который, бывало, каждый понедельник прибежал ко мне по дороге из детского сада и вкладывал свою ручонку в мою, чтобы я проводил его домой, вырос и стал высоким и симпатичным молодым человеком. Я помедлил и обвел взглядом десятки родственников и друзей, собравшихся отпраздновать его бар-мицву¹. Они сидели за столами, уставленными всякими вкусностями.

Слезы навернулись на глаза. Я глубоко вздохнул и крепче сжал древний молитвенник, принадлежавший семье Евы, моей жены. Книжки хранились в уединенной частной молитвенной комнате в Словакии и были привезены в целостности и сохранности в Израиль семьей Евы. На бар-мицвах каждого из моих внуков мы передавали их будущим поколениям. В другой руке я держал белую ермолку. Я возложил ее на голову Роя, посмотрел в его обращенные ко мне голубые глаза, и на меня снова нахлынули воспоминания.

Точно так же, как двумя годами ранее на праздновании бар-мицвы Итаи, я закрыл глаза и изо всех сил постарался выбросить из головы замелькавшие перед глазами картины. Они были такие реальные и живые, словно все это произошло только вчера, а не десятилетия назад. Я снова открыл глаза. Рой смотрел на меня с обеспокоенным выражением на лице. Я улыбнулся ему и заставил себя вернуться в настоящее. Потом протянул молитвенник, и он крепко сжал его. Слезы волнения и гордости подступили к глазам, когда я увидел в руках внука вечное наследие ушедших семей и мира моего детства.

Остаток вечера я провел в приятном и радостном общении с нашими родственниками и друзьями.

В ту ночь мне долго не спалось. Мысли унесли в прошлое, на много лет назад, к невинному ребенку, с нетерпением ждавшему торжественного и радостного момента своего вступ-

¹ Бар-мицва – термин, применяющийся в иудаизме для описания достижения еврейским мальчиком религиозного совершеннолетия. (*Здесь и далее прим. ред.*)

ления во взрослый мир. Мне не терпелось отпраздновать свою бар-мицву в прекрасной Большой синагоге Берегово, чешского города, где я родился и вырос. По субботам и праздникам она всегда бывала переполнена, и я хорошо помню царившую в ней атмосферу святости.

В пору моего детства мы нередко приходили на семейные и дружеские мероприятия, проводимые в синагоге, и я часто думал о том времени, когда наступит мой знаменательный день. Я представлял, как стою там в праздничном наряде и чистым голосом читаю из Сефер-Торы²; рядом со мной, облачившись в праздничный талит³, стоит отец, и его рука лежит на моем плече. Я представлял сидящего на скамье дедушку – укрывшись белой накидкой, он склонился над молитвенником и время от времени с гордостью поглядывает на нас. В своем воображении я видел рядом с ним моего младшего брата и мою мать, взволнованно наблюдающую за нами из-за мехицы⁴. Синагога заполнена до отказа членами нашей большой семьи, моими школьными друзьями и многочисленными знакомыми.

В действительности все произошло иначе, чем я себе это представлял. Синагога не только не была переполнена, она была пуста, если не считать нескольких пожилых мужчин и женщин. К тому времени в нашей общине остались только старики, женщины и дети. Все остальные были призваны в армию, среди них мой отец и другие мужчины в возрасте двадцати лет и выше, включая очень многих наших знакомых и членов семьи. Дедушка давным-давно скончался, и в тот знаменательный день со мной не было ни одного родственника мужского пола. Я совершил службу, и только печальные глаза моей матери смотрели на меня из женского отделения. Атмосфера в синагоге была мрачной и гнетущей, и печаль пропитала воздух. Вся эта сцена сильно отличалась от того, что я всегда себе представлял. До Рош ха-Шана⁵, 27 сентября 1943 года, оставалось два дня.

С вашего позволения я начну с самого начала.

² Свиток Торы, или Сефер-Тора – рукописный пергаментный свиток с текстом Пятикнижия Моисеева, используемый для еженедельного публичного чтения в синагоге, является главным сакральным предметом в иудаизме.

³ Талит – молитвенное облачение в иудаизме, представляющее собой особым образом изготовленное прямоугольное покрывало.

⁴ Мехица – барьер, разделяющий мужскую и женскую части в синагогах.

⁵ Рош ха-Шана – еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние первого осеннего месяца.

Счастливое детство Берегово, 1930–1939 годы

Я родился в Чехословакии, в области под названием Карпатская Русь. Область эта расположена недалеко от границы Чехословакии с Венгрией, Румынией и Польшей, поэтому здесь всегда, с давних времен, проживали представители разных этнических групп, говоривших на разных языках. В это немного трудно поверить, но в определенный период, длившийся менее трех десятков лет, наш город успел побывать в составе четырех разных государств и его название менялось несколько раз. Привели к этим изменениям две мировые войны, оставившие глубокий след в том месте, где мы жили. События тех лет также оказали значительное влияние на судьбу евреев моего города.

До окончания Первой мировой войны в 1919 году вся территория Карпатской Руси была частью огромной Австро-Венгерской империи. До моего рождения наш город был венгерским и назывался Берегсас. Жители считали себя венграми во всех отношениях. Доминирующим языком на улицах моего родного города был венгерский, венгерской была культура, венгерским национальный характер.

Окончание Первой мировой войны принесло много перемен, и странам, проигравшим войну, пришлось заплатить территорией, которая была передана формирующимся национальным государствам, созданным после войны. Австро-Венгерская империя распалась, и на ее огромных территориях возникли Польша, Югославия, Чехословакия и современное венгерское государство. Германия, страна, пострадавшая более других, также лишилась многих земель, в том числе Судетской области, которая отошла к Чехословакии. Венгрия, выступавшая союзницей Германии, была вынуждена отказаться от всего региона Карпатской Руси, который также стал частью нового государства Чехословакия. Таким образом, новая страна вобрала в себя некоторые земли, бывшие прежде, до 1918 года, частью Германии или принадлежавшие Венгрии. Германии было особенно трудно смириться с отделением Судетской области, где проживало три миллиона этнических немцев. Недавно созданное венгерское государство нелегко переживало потерю Карпатской Руси и вынужденное прощание с мечтой о «Великой Венгрии». Эти два вопроса станут важным ключом к пониманию событий, которые произойдут двадцать лет спустя, в 1938 году, и проложат дорогу к началу Второй мировой войны.

В 1919 году жители нашей области перестали быть гражданами Австро-Венгерской империи и стали гражданами нового государства – Чехословакии. Название нашего города тоже изменилось – с Берегсаса на Берегово. Однако переход территории из рук в руки и смена флага отнюдь не означают, что столь же кардинальные изменения переживают и люди, проживающие на данной территории. Эмоциональные привязанности не меняются так же быстро, и население не всегда поспевает за переменами и адаптируется к обстоятельствам, сложившимся в результате политических или международных потрясений. Даже под чешским флагом многие жители нашего региона продолжали разговаривать на венгерском и сохранять венгерские традиции и обычаи, бывшие частью их жизни на протяжении веков.

Для большинства населения случившиеся перемены были искусственными и не соответствовали их национальному чувству и гордости. Они оставались верны своей венгерской идентичности.

Этот факт оказал глубокое влияние на нашу жизнь.

Все это произошло до моего рождения, но историческая подоплека очень важна для понимания последовавших затем событий.

В большинстве домов в Берегово говорили на венгерском – в дополнение к чешскому, который стал официальным языком. Большинство школ были чешскими, но сохранялись

и венгерские учебные заведения. Мы, евреи, говорили на идише, а фактически я с юных лет ежедневно и регулярно говорил на трех языках.

Мы были счастливы в Чехословакии. Молодое государство дало нам равные возможности и создало условия, позволившие многим из нас улучшить материальное положение благодаря упорному труду и образованию.

Наши друзья и соседи-неевреи предоставленными возможностями пользовались не в полной мере. В глубине души многие из них таили недовольство теми успехами, которых достигли евреи в чешском государстве. При этом многие из наших соседей оставались лояльными венграми.

Берегово было типичным провинциальным городком, окруженным холмами, деревнями и сельскохозяйственными угодьями. Даже с городских улиц мы могли видеть множество рассыпанных по окрестностям виноделен. Прямо через город протекала река Хорка, а живым, пульсирующим сердцем Берегово была широкая главная улица Корсо, местный променад.

Евреи в Берегово контролировали торговлю и преобладали среди представителей свободных профессий; они открывали фабрики и приобретали поместья и виноградники. Евреи основали в Берегово крупные предприятия, в том числе кирпичные и лесозаводы, угольные шахты и мукомольные фабрики. Им принадлежало немалое число магазинов на рынках, а также аптеки и большая гостиница на главной улице. Наши соседи-неевреи завидовали нашим достижениям. Изначально они имели те же, что и мы, возможности, но они не смогли воспользоваться ими в должной мере. Наша еврейская община поощряла как образование, так и упорный труд. Ради достойной жизни мы усердно работали и не проводили время в тавернах. Благодаря настойчивости и трудолюбию многие принадлежавшие евреям предприятия процветали, а благодаря образованию мы выделялись в сфере свободных профессий. Подавляющее большинство врачей, юристов и инженеров в Берегово были евреями.

Берегово было относительно небольшим городом, и мы, евреи, составляли в нем около трети населения. Почти все знали друг друга, и мы чувствовали себя в безопасности, прогуливаясь по улицам, на многих из которых располагались принадлежащие евреям предприятия. Наше сообщество было заметным и в высших учебных заведениях.

В этих успехах зрели семена враждебности и зависти, плоды которых появятся позже. На глазах у всех остальных росло число крупных еврейских землевладельцев и успешных еврейских предприятий, и это в то время, когда основная масса простых рабочих жила в бедности и с трудом содержала свои семьи. На фоне экономического бума и укрепления влияния евреев в таких сферах, как промышленность и торговля, в сердцах их соседей копилась неприязнь и зависть.

Мы, евреи, совершенно не отдавали себе отчета в чувствах, которые бурлили в душах наших нееврейских друзей и соседей и которые извергнутся огненной вулканической лавой, когда основание для этого будет уже подготовлено и когда сложатся подходящие условия.

Образование и прочный экономический статус вовсе не означали, что мы отказались от религиозных символов. В нашей среде строго соблюдались еврейские традиции. Некоторые из нас считали себя ультраортодоксальными и одевались соответственно, но мы все были традиционалистами и ревностно соблюдали религиозные заповеди. Еврейские мужчины носили головной убор, и мы, дети, делали то же самое. Повседневная одежда отличалась простотой и скромностью. Мой отец тоже покрывал голову, но бороду так и не отпустил.

Говоря о головном уборе, я имею в виду ермолку, служившую своего рода знаком отличия как наших родителей, так и нас, их детей. Как и все еврейские семьи в Берегово, мы соблюдали шаббат⁶ и кашрут⁷. Мы регулярно ходили в синагогу и отмечали все праздники. Религия

⁶ Шаббат – седьмой день недели в иудаизме, суббота, в который Тора предписывает евреям воздерживаться от работы.

⁷ Кашрут – система правил питания, соответствующая требованиям Галахи, еврейского Закона.

была неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Молодое чешское государство поддерживало свободу вероисповедания, поэтому мы никоим образом не чувствовали себя в изоляции, не ощущали никакой опасности.

Нашу общину хорошо знали в регионе благодаря многочисленным и активно действующим религиозным учреждениям, разбросанным по всей его территории. Большая синагога Берегово красовалась в центре города и по субботам и праздникам становилась центром притяжения для всех нас. Дополнительные молитвенные дома, ритуальные бани, религиозные школы и другие небольшие учебные заведения располагались по всему городу. Мы заботились о соблюдении религиозных законов, поддержании традиции, передаваемой из поколения в поколение.

В праздник Йом-кипур⁸ толпы людей шли в синагогу. На городских улицах царил праздничная атмосфера, и в общественных местах люди приветствовали друг друга словами «Да будешь ты вписан в Книгу Жизни».

Ввиду значительного присутствия евреев в культурной жизни города, Йом-кипур оставил в городе глубокий след.

Каждую пятницу перед ужином мы втроем – папа, мой младший брат Арнольд и я – ходили в соседнюю синагогу, которая находилась недалеко от того места, где мы жили. После службы мы возвращались домой, произносили благословение над вином и наслаждались приготовленными мамой вкусностями. Мне всегда нравились пятничные ужины в доме родителей. После еды мы встречались с бабушкой, бабушкой и нашими дядями и тетями. Мы сидели вместе и разговаривали до позднего вечера.

По утрам в субботу мы ходили в другую центральную синагогу «Осех Хэсэд» («Делаящая добро»). Она была второй по величине синагогой в Берегово, лишь немного меньше великолепной синагоги в центре города. От нашего дома мы шли до нее минут двадцать пять. По праздникам мы все ходили в синагогу, надев белое, и на каждом углу встречали соседей и знакомых.

Родственники, посетившие город после войны, рассказали, что во дворе синагоги, которая существует до сих пор, установлен памятник в память о тысячах жертв – евреях города Берегово.

Большую часть субботы, в шаббат, мы проводили дома с семьей. На улицах становилось тихо. В то время автомобилей в личном пользовании было немного, и основным общественным транспортом оставался экипаж, которым управлял кучер. Мы пользовались им очень мало, даже в будние дни. По городу передвигались по большей части пешком.

Каждую субботу, во второй половине дня, мы гуляли по улицам. Вдоль главной улицы, на обсаженных деревьями бульварах, стояли скамейки, и я помню, что там всегда сидели молодые люди. Толпы молодежи заполняли район, люди прогуливались, разговаривали, смеялись.

Мы относили себя к религиозным сионистам. В отличие от многих стран Западной Европы, где евреи дистанцировались от иудаизма и придерживались светского сионизма, мои родители рассматривали религию как неотъемлемую часть своей сионистской идентичности и соблюдали традиции и обряды. В Берегово действовала крупная сионистская организация, и мой отец был активным ее участником. Я был еще ребенком, когда нашей семье предложили сертификат на иммиграцию в Эрец-Исраэль⁹. В те годы еще можно было иммигрировать в Израиль, и после прихода нацистов к власти в Германии в 1933 году многие евреи решили покинуть Европу и уехать на Святую землю. В нацистской Германии и странах Восточной

⁸ Йом-кипур – в иудаизме самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов.

⁹ Эрец-Исраэль (также Земля Израильская, Земля обетованная) – священная земля, которая играет важную роль в авраамических религиях и связана со множеством исторических событий. Согласно Библии это земля, которую обещал Бог Аврааму и его потомкам и которую они получили в наследство. Затрагивает современную территорию Израиля, ряд территорий соседних стран и сектор Газа.

Европы антисемитизм проявлялся все заметнее, но там, где мы жили, евреи не ощущали враждебности со стороны своего окружения и не испытывали страха. Антисемитизм не был чем-то таким, что мы узнали уже в детстве.

Мои родители подумывали об отъезде. Мой отец, ярый сионист, очень хотел поехать в Эрец-Исраэль, но потом родители посоветовались с членами большой семьи, и почти все наши родственники восприняли эту идею с сомнением и недоверием. Поскольку количество разрешений было невелико, вся семья уехать не могла. Впрочем, даже если бы это было возможно, вряд ли мы решились бы покинуть то место, которое было нашим домом на протяжении нескольких поколений. Тем более что в то время евреи в нашем районе не чувствовали ни малейшей опасности.

Члены нашей большой семьи были единокорны в том, что если вся семья останется в Чехословакии, то мои родители, оказавшись вдалеке от своих близких, испытают чувство глубокого одиночества. Семейные отношения в еврейской общине всегда были теплыми и доброжелательными, проникнутыми любовью и заботой. В нашей жизни было много приятного и хорошего, много радостных моментов и праздников, которые мы отмечали в большом семейном кругу.

Кроме того, Земля Израильская, как известно, отличающаяся жарким, тяжелым климатом, была неразвита с точки зрения инфраструктуры и рабочих мест и находилась под полным контролем Великобритании. Оставалось неясным, как они смогут зарабатывать на жизнь, так что в целом возможная перемена представлялась слишком серьезным вызовом.

В конце концов от этой идеи, по крайней мере на время, отказались, отложив ее в долгий ящик.

* * *

В Берегово у меня было очень счастливое детство. Мы жили на улице Сейчени, в доме 46, неподалеку от центра, в жилом комплексе с бакалейным магазином, в котором также продавались товары для дома.

Наша большая семья занимала три квартиры с просторными комнатами. В одной квартире жили мои бабушка и дедушка, Клара и Меир Кесслеры. В другой – мои дядя и тетя, Шлойма (Шломо) и Хани Лейнзидер, и двое их детей, Магда и Зулик. И, наконец, в третьей – мои родители, Герман и Паула Кесслер, мой брат Арнольд и я.

Тетя Хани приходилась сестрой моему отцу, и они были очень близки. Мы с Арнольдом тоже были очень близки с нашими двоюродными сестрой и братом, Магдой и Зуликом, и прекрасно с ними ладили.

* * *

У входа в наш жилой комплекс росло большое, красивое ореховое дерево пекан, широкие ветви которого мы могли видеть из окна нашей столовой. Мы, дети, каждый год ждали, когда созреют орехи, и часами лазали по дереву, срывая их с веток и собирая упавшие. У орехов пекан жесткая зеленая кожура, и когда ее снимаешь, на руках остаются коричневые пятна. Родители обычно ругали нас за это, потому что пятна очень трудно отмыть. Дерево пекан было рядом со мной все мое детство, и память о нем осталась со мной навсегда.

Широкая деревянная дверь вела от входа в комплекс в жилую зону и во внутренний двор, где я провел много часов, играя со своим младшим братом Арнольдом и двоюродными сестрой и братом, Магдой и Зуликом. Магда была на два года старше меня, а Зулик на три года младше. Самым младшим из нас всех был мой брат Арнольд, который был на пять лет младше меня.

Несмотря на свой нежный возраст, он неизменно держался вместе с нами. Его залихватистый смех часто звучал в те часы, которые мы проводили вместе, обычно по выходным.

Бакалейный магазин бабушки и дедушки находился в передней части дома. Они продавали товары широкого потребления, и магазин был открыт в течение дня. Вход в него находился с улицы, и по дороге домой я часто останавливался там. Просторный, занимавший большое место, сам наш дом свидетельствовал о финансовой состоятельности моей семьи.

В то время в городе было мало жилых многоквартирных домов. Верхние этажи строились только в зданиях, где размещались правительственные учреждения или жили очень богатые горожане. Несколько богатых еврейских семей также построили двухэтажные «дворцы» в центре города. Наш дом оставался одноэтажным, как и большинство домов в этом районе, и делился на просторные квартиры.

Место для постройки выделили мои бабушка и дедушка, а непосредственно строительством занимались мои родители. В доме моего детства одно большое помещение делилось на две спальные зоны – для моих родителей и для нас с Арнольдом. В центре дома помещалась просторная кухня.

Сердцем еврейской домашней жизни того времени была кухня со столовой и большим обеденным столом. Обычно в домах не было того, что принято называть «гостиной», и все семейные посиделки, как маленькие, так и большие, проходили в столовой. Именно по этой причине кухни в домах делали особенно большими. Имелась для этого и еще одна причина, практическая, поскольку кухня была самым теплым и приятным местом в доме в холодные зимние месяцы. Кроме кухонных плит, в нашем доме были угольные обогреватели, а также большие керамические плиты, возле которых любили греться взрослые. Во времена моего детства холодильниками еще не пользовались. Молочные продукты либо производились дома, либо их доставлял молочник. Одно время мои родители держали корову в маленьком сарае на краю двора, и полученное от нее молоко потреблялось дома. Позже они покупали молочные продукты у молочника, ходившего по городу от дома к дому.

Как и многие женщины того времени, моя мать оставалась дома и не ходила на работу. Я помню, как бежал домой после школьного дня и уже в дальнем конце улицы вдыхал аромат свежего, испеченного мамой хлеба. В городе было немало пекарен, но обычно мы пекли хлеб сами.

В те дни в большинстве домов в городе не было водопровода. Позади дома находился колодец, и мы набирали в ведра ключевую воду. Также не было и домашних туалетов. Они находились в отдельном флигеле во дворе.

Была у нас и домработница, которую все воспринимали как члена семьи. Ее звали Мария, или тетя Мари (Мари-Нени). 35-летняя женщина-нееврейка, она жила в городе и помогала матери по хозяйству. Без проточной воды большой проблемой становилась стирка. В день стирки Мария наливала колодезную воду в особое деревянное корыто, хранившееся остальное время в сарае. В эту огромную ванну клали чистящий порошок, полученный из печной золы. Одежду во время стирки тщательно скребли и несколько раз полоскали. В летнее время стирка переносилась во двор, зимой же все делалось на кухне, рядом с дровяным камином.

Мария также приходила каждую субботу, чтобы сделать то, что не позволялось делать евреям. Рано утром она растапливала плиту, чтобы разогреть рагу, заранее приготовленную мамой. Запах бульона распространялся по всему дому, пробуждая у нас аппетит.

Благодаря Марии, в субботу утром у нас в доме было тепло. Печи топились весь день, но мы гасили их перед сном во избежание пожара. Тепло держалось в доме всю ночь. Поскольку топить печи в шаббат не разрешается, Мария была нашим шабес-гоем¹⁰. Растапливая печи утром, она потом через каждые несколько часов подкладывала дрова, чтобы не дать огню погас-

¹⁰ Шабес-гой – нееврей, нанятый иудеями для работы в шаббат.

нуть. Специально для этого родители заготавливали в пятницу целую кучу поленьев, чтобы дом отапливался всю субботу.

Практика приглашения шабес-гоя была широко распространена в Берегово, поскольку почти все еврейские семьи соблюдали субботу, а дома зимой требовалось обогреть каждый день.

* * *

Как я уже упоминал, за домом находился просторный задний двор, более сотни метров в длину. Рядом с ним, в сарае, хранились дрова, которыми отапливали дом в холодные зимы. Также было несколько кладовых, полных всевозможных припасов и заготовок, в том числе овощных консервов, солений и джемов.

Дальше по двору располагался огород, в котором мы все работали, особенно по воскресеньям. Каждый год наша семья выращивала цветы, а также лук, огурцы, помидоры, листовой салат, капусту, редис, свеклу и многое другое. Когда сезон заканчивался, мы нанимали нееврея, чтобы он перекопал участок и подготовил его к следующему сезону. Посадкой и сбором урожая занимались все вместе. Мне очень понравилась совместная работа в саду. Эти счастливые семейные воспоминания остаются со мной по сей день.

Как я уже упоминал, огород делился на несколько грядок, где росли сезонные овощи, которые мама готовила для нас. Как и все дети, я любил мамину еду и легко представляю всю нашу семью за большим обеденным столом: дедушку, отца, говорящего кидуш¹¹, и аромат маминой стряпни.

Я помню квашеную капусту и еще одно мое любимое венгерское блюдо из капусты с горьким и сладким перцем, которое мама мариновала и хранила в вакуумном контейнере.

На улице, где мы живем в Рамат-Гане¹², есть киоск венгерской кухни и там готовят это самое блюдо.

Даже сегодня, в девяносто лет, я не могу заставить себя попробовать его, хотя тот вкус остается со мной на протяжении десятилетий. От одного лишь запаха этого любимого с детства угощения меня начинает трясти, когда я иду по улице.

В Берегово был один еврейский детский сад, где я учился до шести лет.

Помимо формального образования в детском саду и школе, еврейских детей в Берегово обучали мицвам и знакомили с еврейской религией и обычаями. Местная община придавала этому большое значение и считала своей важной задачей. Начиная с пятилетнего возраста большинство еврейских мальчиков после детского сада шли в хедер¹³, находившийся рядом с нашим домом, и до вечера изучали иудаизм. В роли учителей выступали раввины, и в городе было несколько таких школ, делившихся в соответствии с возрастом. Старшие дети изучали Гемара¹⁴ и еврейскую историю. Мы, младшие, изучали различные религиозные сюжеты.

После детского сада родители записали меня в местную чешскую школу, которая располагалась в просторном здании в части внутреннего двора большой синагоги города. Я посещал ее с шести до двенадцати лет.

Школа находилась в центре города, далеко от дома, и каждое утро мы шли туда пешком, в любую погоду. Дорога занимала около двадцати минут. Хотя город стоял на равнине и в свободное время мы часто катались на велосипедах, в школу мы всегда ходили пешком.

¹¹ Кидуш – благословение в иудаизме, которое произносят в праздник и субботу.

¹² Рамат-Ган – город в современном Израиле.

¹³ Хедер – базовая начальная школа в традиционной еврейской системе образования.

¹⁴ Гемара – свод законов из Талмуда, который содержит как обязательные для иудея постановления и законы (Галаха), так и аллегорические притчи и легенды (Агада).

Уроки проходили на чешском языке, и я, как большинство детей, предпочитал уроки рисования «обычным» предметам.

В школе меня звали Людвигом, это было мое светское имя. У каждого еврейского ребенка было как еврейское, так и светское имя, которое мы использовали в школе и в нееврейской общественной жизни. Днем я был Людвиг, дома и во второй половине дня в религиозной школе я был Моше.

Когда я приехал в Израиль, в моем чешском паспорте было написано Людвиг, и принимавшие нас люди из алии¹⁵ оставили это имя. Я сохранил его в официальных документах как дополнение к еврейскому имени Моше, и теперь имя Людвиг сопровождает меня точно так же, как сопровождало в детстве и молодости.

Дома меня называли Мойши, и это обращение нравилось мне больше всего.

В Чехословакии времен моего детства мы не ощущали себя каким-то меньшинством. В друзьях у меня были как евреи, так и христиане, с которыми я любил играть в футбол. В этот же период, в 1935 году, Германия приняла Нюрнбергские законы, и положение немецких евреев начало меняться, поскольку в отношении них сразу же были введены новые декреты. Между тем наша жизнь текла по-прежнему гладко и наш обычный, давно заведенный порядок дня нисколько не нарушился.

* * *

Примерно в возрасте восьми лет я пошел учиться в хедер раввина Ицковича, предназначенный для детей постарше. Мы были там самыми младшими.

Занятия в хедере начинались сразу после окончания школьных уроков, и я помню, что нам, ребятам поменьше, было трудно сохранять внимание на протяжении нескольких часов подряд. Иногда, как это бывает с детьми, мы нарушали дисциплину, и тогда наш учитель стучал по своему столу тростью из гибкого бамбука, призывая нас к порядку. Этой же тростью наставник пользовался для наказания непослушных. Мы боялись раввина, но, несмотря на его авторитет и наш страх перед наказанием, нередко шли на хитрость, чтобы избежать кары. Однажды мы принесли в хедер несколько зубчиков чеснока и, когда раввин отвернулся, намазали чесноком трость. Когда он в очередной раз ударил по столу, трость сломалась, и мы все расхохотались. Раввин попытался выявить виновника, но у него ничего не получилось – никто не признался. Конечно, это была обычная детская шалость, но учитель воспринял ее всерьез и наложил коллективное наказание на весь класс.

* * *

Наше материальное положение постоянно улучшалось.

Папа открыл небольшую домашнюю фабрику по производству продуктов из гусяного мяса и жира. В городе недоставало растительного масла, и гусиный жир широко использовали для готовки. На фабрике также готовили фуа-гра, которое считалось деликатесом, а гусиные ножки коптили в специально оборудованном для этой цели сарае. Гусиное масло предназначалось как для личного потребления, так и для продажи, и зимой хранилось в сарае на открытом воздухе, поскольку на улице было достаточно холодно.

Первый слой ощипанных гусиных перьев продавали неевреям, второй, перья лучшего качества, шел на домашние нужды, им набивали одеяла и подушки.

¹⁵ Алия – репатриация евреев в Израиль, а до основания Израиля – в Землю Израильскую. Является одним из основных понятий сионизма.

Пуховиков тогда не знали и теплую одежду делали из чистой шерсти. В магазинах одежды не было, все шилось на заказ, по индивидуальным меркам.

Соседский портной приходил к нам домой и снимал мерки или же приглашал нас в свою мастерскую. Таким образом каждый из нас получал праздничный костюм, который мы надевали по праздникам и субботам. Портной также шил верхнюю одежду по нашим размерам.

Мои родители готовили из гусяного жира особые деликатесы. До сих пор помню одно блюдо, которое мне особенно понравилось. Холодными зимними вечерами мы жарили на углях шашлыки с кусочками мяса и гусяным жиром, приправленным паприкой и специями. Все сидели у печи со свежим хлебом и вкусно пахнущими шпашками в руках. Мы были счастливы.

Поскольку фабрика была небольшая, домашняя, работа выполнялась вручную, чтобы гарантировать качество продукции, хотя у нас уже было электричество и мы могли бы использовать специальное оборудование. Благодаря стараниям отца бизнес неуклонно рос и развивался. Отец считал, что при надлежащем управлении можно полностью реализовать деловой потенциал небольшого домашнего предприятия и сделать его более коммерческим и прибыльным. Он думал о том, как превратить домашний бизнес в более крупный семейный.

Папина сестра, Малка, тоже жила в нашем городе. Я называл ее тетей Мали, а в повседневной жизни ее звали Мари. Она была замужем за Игнацем Лазаровицем. Как было принято в еврейских семьях, семья жила с родителями Игнаца недалеко от центра города. Они владели большими земельными участками и считались очень состоятельными.

По совместному решению моих родителей, дяди и тети, папа перенес свою домашнюю фабрику в комплекс, где жили Игнац и тетя Мали. Созданное ими совместное предприятие имело промышленные размеры и все необходимое оборудование для переработки мяса. Более того, у них появилась возможность расширить ассортимент за счет новой продукции, производить которую было трудно на маленькой домашней фабрике.

Под наблюдением местного раввина на предприятии готовили кошерное мясо, а установленное электрическое оборудование обеспечивало значительный рост производительности. Кроме того, новая фабрика находилась ближе к центру города: неподалеку от Большой синагоги, в районе с оживленной коммерческой деятельностью.

Сразу после объединения двух предприятий отец перешел на новую фабрику, дела у которой шли весьма успешно.

У Малки и Игнаца было четверо детей: Моше, Барри, Илона и Магда. Мой двоюродный брат Моше закончил школу и работал с моим отцом на фабрике. Они оба видели потенциал домашнего бизнеса и намеревались его развивать. Благодаря совместной работе между двумя семьями сложились еще более теплые отношения, чем раньше.

В конце войны, после освобождения из Бухенвальда, моему двоюродному брату Моше случилось стать первым членом семьи, которого я увидел своими глазами. Но тогда эта встреча была еще в далеком будущем.

Другими родственниками, которых я хорошо знал в годы детства, были мои дядя и тетя, Изидор и Роза Кесслер. Изидор был братом моего отца, и они жили недалеко от нас. У Изидора и Розы было трое маленьких детей, и между двумя семьями сложились теплые и близкие отношения. Изидор работал на мясоперерабатывающем заводе в городе, и, кроме того, его семья владела магазином одежды и текстиля на главной улице Берегово, Андарши. Мы называли этот магазин «Корсо».

Моя тетя Хани, которая жила в нашем районе, работала в магазине вместе с Розой. Обе женщины хорошо вышивали и продавали свои изделия через магазин. Успеху этого предприятия способствовало его расположение на улице Андарши, главной улице города, где было много кафе.

Хотя я и родился в городе, с юных лет мне нравились широкие, открытые пространства. Рядом с нашим домом был большой луг, где иногда устраивали скачки и проводили спортивные

соревнования. Для нас, детей, этот луг был футбольным раем, где мы играли по много часов подряд, весело и беззаботно. Ближе к дальнему краю луга стоял цыганский табор.

Мы все ждали того момента, когда станем большими и сможем принимать участие в работе сионистских молодежных организаций, которые действовали в городе, и совершать групповые выезды на природу. Начиная с 1930 года большая часть еврейской молодежи в Берегово вступала в те или иные сионистские молодежные организации. Сначала это были скауты, затем «Ха-шомер Кадима», «Бетар», «Ха-поэль мизрахи» и «Ха-шомер ха-цаир». Члены организации разгуливали днем по улице в своей форме, гордые и счастливые.

Когда мне было около десяти лет, один из моих старших двоюродных братьев взял нас с собой, и мы каждую пятницу участвовали в мероприятиях движения. Мне это нравилось. Мы гордились своей причастностью к сионистской инициативе. Особенно мне запомнилась песня «Хатиква», эхом разносившаяся по всему залу, где проходили мероприятия. К сожалению, к тому времени, когда мы с друзьями достигли нужного возраста, чтобы присоединиться к движению, жизнь уже полностью изменилась.

Еще одним местом, которое мне нравилось посещать в детстве, был дом наших родственников в Ардо, тихом пригороде Берегово. Сестра моего отца, Фанни, жила в Ардо со своим мужем, Цви Мармельштейном. У них было четверо детей старше меня: Авраам, Моше, Рахиль и Маргит. Мама и ее сестра Хани часто ходили навестить Фанни и брали с собой Магду, Зулика, Арнольда и меня.

Во дворе у них был паб, и этим семья зарабатывала на жизнь. Позади дома они устроили что-то вроде дорожки для боулинга на траве, и мы обычно играли там с соседскими детьми.

В детстве нашим любимым временем года была зима. Мы с нетерпением ждали первой снежной метели, которая окутывала город белым. Каждый год зрелище первого снегопада будоражило нас так, как будто мы видели его впервые. Все становилось чисто-белым, и когда мы, надев теплую одежду, выходили из дома, холод нас совсем не беспокоил.

Улицы города покрывались льдом, и мы все бегали, скользя по нему в ботинках. Зимой настоящим раем для нас были немощеные улицы. В морозные выходные мы отправлялись на ближайшие замерзшие пруды и катались на специальных коньках, которые привязывали к обуви. В то время эти коньки были одним из самых ценных моих сокровищ. Ремешки обматывались вокруг обуви и скреплялись ключом.

Даже в самом городе хватало таких мест, где можно было кататься часами.

Река, протекавшая через город, тоже замерзла, и в сильные морозы мы могли кататься по ней на коньках. Звонкий детский смех был слышен издали, и нашим родителям приходилось использовать всю свою власть, чтобы отозвать нас с катков и вернуть домой к ужину.

Годы спустя, когда война закончилась и я готовился иммигрировать в Израиль, на ферме в Судетах, где мы тогда жили, мне попался ключ от коньков, похожий на тот, что был у меня дома. Боль и глубокая печаль сжали мне сердце. Я взял ключ с собой, и он еще долго напоминал мне о счастливых днях далекого довоенного детства.

* * *

И все же, при всей моей огромной любви к зиме, я, как и любой ребенок, с нетерпением ждал летних каникул. Наш город располагался на равнине, и нашим основным средством передвижения – как для детей, так и для взрослых – был велосипед. Мои родители предпочитали ходить пешком, но мы с друзьями любили кататься на велосипедах. Летом и на каникулах велосипед помогал быстро добираться до любой точки города и встретиться с друзьями.

Каждое лето я проводил большую часть каникул со своими бабушкой и дедушкой и родителями матери, бабушкой и дедушкой Блужштейнами, которые жили в Добрженице. На поезде это было не очень далеко, и моя мама каждый год ездила навестить своих родителей примерно

на неделю во время летних каникул. Я ездил с ней и оставался в доме бабушки и дедушки в деревне еще на несколько недель.

Дедушка и бабушка Блубштейны жили на маленькой ферме недалеко от деревенской железнодорожной станции, и мне нравилось гостить у них. По двору фермы свободно разгуливали домашние животные, куры и коровы, и в тишине деревенской жизни было что-то чарующее. Арнольд был еще слишком мал, чтобы находиться вдали от дома, и все внимание бабушки и дедушки доставалось мне, как и угощения, которыми они меня осыпали. Особенно мне нравились большие буханки свежего хлеба, который пекли в деревенских семьях. У хлеба был слегка кисловатый вкус, как у того хлеба на закваске, который мы едим сегодня.

Младшая сестра матери, Ирен, жила в деревне вместе с бабушкой и дедушкой. Она была моей тетей, но лишь на три или четыре года старше меня. Мы с Ирен отлично проводили время вместе, резвясь и играя возле фермы, окруженной полями и лесами. Мы подолгу бродили в поисках малины и земляники и объедались ягодами так, что болели животы.

В нескольких минутах ходьбы за железнодорожным вокзалом начинался сосновый лес. Тропинка вела через него к высокому плато с чистыми, холодными ключами. Каждый день мы ходили туда за родниковой водой для дома.

За домом был огород, а за ним протекал ручей, рукав реки Хонг. В жаркие летние дни мы с Ирен с удовольствием купались в ней. Вода была ледяной, но хорошо освежала и бодрила, и мы отлично проводили время.

Один из соседей дедушки и бабушки, господин Юткович, владел мясной лавкой, а рядом с домом у него был большой фруктовый сад. Большую часть времени Юткович проводил в магазине, а мы с Ирен, пользуясь его разрешением, с удовольствием бродили по двору и саду.

Мне особенно нравился сезон сбора яблок, когда ветви деревьев гнулись под тяжестью плодов. Мы брали длинную палку, вбивали в конец ее гвоздь и срывали сочные плоды. Я до сих пор помню чудесный вкус тех сладких яблок.

Все соседи моих бабушки и дедушки тоже были евреи. Занимались они в основном выращиванием и продажей овощей и фруктов. На просторном поле поблизости люди косили траву и заготавливали сено на зиму, чтобы прокормить домашний скот. Запах того сена, совершенно особенный, тоже запомнился мне на всю жизнь.

Годы спустя, уже взрослым, совершая поездки по Австрии и Швейцарии, я иногда останавливался возле полей, чтобы вдохнуть запах скошенной травы и вызвать в своем воображении счастливые дни детства в Добрженице.

Мне было шесть или семь лет, когда бабушка умерла. Я хорошо помню, как мы поехали с матерью в деревню провести шиву¹⁶. Мама пригласила моего дедушку погостить у нас, но он предпочел остаться в деревне со своей младшей дочерью, моей тетей Ирен, потому что на ферме остались животные, о которых нужно было заботиться. Ирен и помогала дедушке вести хозяйство после смерти моей бабушки. Некоторое время спустя дедушка снова женился.

Многое из того, что я пережил тогда еще ребенком как в моем городе, так и в деревне, отпечаталось в моей памяти навсегда.

К сожалению, у меня очень мало фотографий дома моих родителей и моего детства. В те дни семейная фотосъемка не была чем-то обычным и требовала значительных финансовых затрат. Большинство семей не могли позволить себе заказать профессиональное фотографирование.

Но пейзажи и выражения лиц моих родных и близких навсегда запечатлелись в моей памяти.

¹⁶ Шива – в иудаизме траурный срок, семь дней со дня погребения. Прямым родственникам запрещено носить кожаную обувь, работать, стричься и бриться, мыться в теплой воде, стирать и гладить одежду.

С тех пор как я совершил алию в Израиль, у меня ни разу не возникло желания вернуться в Берегово, пройтись по улицам моего детства и увидеть дом моих родителей. Причина нежелания в горьких и болезненных воспоминаниях, связанных с возвращением из лагерей, когда я понял, что город, который знал ребенком, исчез и никогда уже не будет прежним, таким, каким я знал его и помнил.

Многие люди, которых я знал в детстве, и многие члены моей семьи не пережили того ада. Подавляющее большинство магазинов, принадлежавших евреям, не открылись вновь, когда война закончилась. Синагоги были заброшены или разрушены, а оживленный город, в котором я рос, оказался погребен под руинами войны.

Единственное место из моего детства, в которое я был бы рад вернуться, это Добрженице – деревня, где я провел так много счастливых дней и которая не вызывает у меня болезненных воспоминаний. Возвращаясь мысленно в раннее детство, я сожалею, что тогда мы не знали, как ценить каждое мгновение, проведенное вместе, – я вдыхаю запахи, представляю виды, пытаюсь ощутить вкусы, которые никогда не вернуться. Если бы только мы прислушались к тем немногим голосам, которые пытались заставить нас увидеть надвигающуюся опасность и предупреждали, призывая бежать...

За несколько лет до войны мой дедушка Кесслер заболел. В те дни не было антибиотиков, и осложнения таких заболеваний, как пневмония, часто приводили к смерти. Дедушка Кесслер скончался дома, и я помню, как нас с Арнольдом отвели в дом тети Малки Лазаровиц, когда проходили похороны. Мы были там с остальными детьми, и мне было очень грустно. Со дня моего рождения бабушка и дедушка присутствовали в моей жизни; фактически мы все жили рядом.

Оглядываясь назад, я понимаю, что дедушка Кесслер избежал огромных страданий и невзгод, умерев тогда, когда он умер.

Берегово становится Берегсасом Жизнь евреев под венгерской оккупацией

В 1939 году, когда мне было восемь лет, вокруг нас закружились ветры... Гитлер, утвердившись у власти в Германии, начал присматриваться к соседним странам.

В марте 1938 года Германия аннексировала Австрию. Следующим шагом Гитлера стало требование о возвращении Судетской области Чехословакии под суверенитет Германии. Он сумел убедить западные страны в том, что не намерен развязывать широкомасштабную войну и хочет лишь вернуть территории, потерянные Германией в результате поражения в войне и населенные этническими немцами.

Истинные намерения Гитлера еще не проявились в полной мере, но уже было ясно, что к власти в Германии пришел сильный и решительный правитель. Важно понимать, что страны Европы еще не оправились от ужасов и страданий Первой мировой войны и были полны решимости сделать все, что в их силах, чтобы предотвратить новую войну.

Премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен опасался, что, если Германия не получит суверенитет над Судетской областью, она объявит войну Чехословакии и вся Европа невольно втянется в кровопролитные сражения. Чемберлен знал, чего ждет от него нация: он должен предотвратить любую возможность того, что Британия снова окажется в состоянии войны.

Премьер-министр Франции Эдуард Даладье также полагал, что политика сдерживания и соглашения умиротворит Гитлера, успокоит его и станет наилучшим ответом на агрессивность нового правительства Германии. Премьер-министры Великобритании и Франции были твердо намерены сделать все, что в их силах, чтобы предотвратить новую вспышку войны, и Гитлер в полной мере воспользовался этими их настроениями.

Подлинные цели Гитлера оставались в то время не до конца ясными. Его заявления о желании мира служили временным прикрытием, маскирующим планы полномасштабной войны с целью установления господства Третьего рейха во всей Европе.

Первый выстрел Второй мировой войны был фактически произведен из дипломатического «оружия». Этим выстрелом стало Мюнхенское соглашение, заключенное в сентябре 1938 года между Гитлером и лидерами Великобритании, Франции и Италии. Это соглашение позволило Германии без каких-либо возражений аннексировать чешские Судеты, где проживало много этнических немцев.

Важно отметить, что Чехословакия была независимым государством с крупным военным потенциалом, хорошо укрепленной границей и военной промышленностью, что могло бы послужить основой для отпора немецкой армии. Кроме того, в рамках альянса, подписанного различными европейскими странами, поддержку Чехословакии обещали Франция и СССР. Согласно различным исследованиям, на том, раннем, этапе немецкая армия еще не была достаточно подготовлена, чтобы победить в войне, и вполне возможно, что, если бы Чехословакии дали возможность защитить себя перед лицом немецкой агрессии, будущее было бы другим.

Однако история пошла другим путем, и возможности Чехословакии защитить себя от территориальных притязаний Гитлера реализованы не были. Британия, возглавляемая Невиллом Чемберленом, оказала давление на своих союзников, чтобы они подписали соглашение с Гитлером, позволявшее Германии аннексировать Судеты. Жертва, принесенная чешским государством ради долгожданного прочного мира, оказалась, как выяснилось спустя недолгое время, напрасной. Допущенная ошибка не позволила спасти Чехословакию от захвата нацистской Германией и открыла ворота гитлеровской агрессии в Европе.

Так получилось, что первый шаг на пути к самой ужасной войне в истории человечества был сделан, по иронии судьбы, во имя мира.

* * *

Поначалу все это никак нас не касалось и мы воспринимали приходящие новости как нечто постороннее, далекое. Но так продолжалось недолго.

А вот последующие события повлияли на нашу повседневную жизнь самым непосредственным образом.

Как я уже упоминал, Венгрия так и не смирилась с потерей обширных и плодородных земель Карпатской Руси и ставила своей главной целью возвращение этих территорий венгерскому государству.

Гитлер еще в 1937 году пообещал Венгрии, что она получит области, которые потеряла по результатам Великой войны, позже названной Первой мировой.

Аннексия Судетской области Германией в 1938 году побудила Венгрию перейти к активным шагам, и она потребовала вернуть суверенитет над отнятыми землями. По решению Венского арбитража 1938 года Карпатская Русь и некоторые другие области возвращались Венгрии.

Большинство жителей региона приняли такое решение безразлично. Некоторые даже приветствовали венгерскую аннексию и без сожалений распрощались с чехословацким флагом, под которым прожили почти два десятка лет, перейдя под флаг «Великой Венгрии», как это теперь называлось.

Именно в этот момент некоторые евреи решили бежать из страны и иммигрировать в Землю Израильскую. Среди них был Хаим Блушштейн, брат моей матери, и его девушка. Молодая пара обручилась и покинула Венгрию, выбрав сложный, непроверенный и небезопасный маршрут. В 1938 году они нелегальным образом прибыли в Эрец-Исраэль, избежав печальной судьбы оставшихся местных евреев.

Я снова встречаюсь с Хаимом и его женой, когда иммигрирую в Израиль, в 1949 году.

В начале 1939 года Венгрия беспрепятственно аннексировала треть территории Чехословакии, включая Карпатскую Русь – нашу область, – и тем самым вернула все территории, утраченные после Великой войны. Чехословакия, страна, в которой я родился, распалась и фактически прекратила свое существование без единого выстрела.

Наш город снова стал Берегасом, а мы все – частью «Великой Венгрии». Я помню, как учителя в школе сочинили предложение на венгерском языке: «Великая Венгрия подобна раю, Маленькая Венгрия – это не страна».

В марте 1939 года венгерская армия вошла в Берегово и наш городок, как уже упоминалось, вернул себе венгерское название Берегас.

Я был маленьким ребенком и еще не понимал, насколько значительными будут перемены в нашей жизни.

Венгерское правительство потребовало, чтобы все дети Берегаса, посещавшие чешские школы, отныне изучали венгерский язык.

Теперь в школе мне дали венгерское имя Леюш. После войны я вычеркнул его из всех своих документов и больше им не пользовался. Вместе с ним я хотел стереть все, что с нами случилось.

На протяжении многих лет евреи и неевреи жили мирно и дружно. Дети и молодежь с удовольствием гуляли по городу без разделения на евреев и их соседей. После перехода под флаг Венгрии ситуация начала меняться.

Созданные Чехословакией экономические возможности предлагались всему населению, но воспользовались ими далеко не все. В то время как большинство неевреев после рабочего

дня привычно отправлялись в таверны, где впустую спускали заработанное, евреи усердно трудились и всячески старались получить образование и профессию, что позволяло улучшить условия жизни. В результате имущественный разрыв между евреями и христианами постоянно рос, что вело к подспудно накапливавшейся враждебности. Важно отметить, что многие молодые евреи с трудом зарабатывали на жизнь и работали так же, как и их соседи. Но в центре внимания были те, кто накопил экономические активы, получил образование и повысил свой статус.

Враждебность и зависть, росшие на фоне экономических успехов некоторых евреев, начали открыто проявляться во время венгерского правления, при котором эти чувства были узаконены.

Венгерские власти всегда занимали позицию антисемитизма, и теперь притеснения и преследования евреев перекинулись на районы, где они жили. Эти преследования становились все более и более явными, вдобавок узаконенными. Для нас это было серьезное изменение, поскольку чешское правительство и чешский народ не страдали такого рода предрассудками и во время моего детства в Чехословакии не было антисемитизма. Более того, на протяжении всех военных лет чешский народ продолжал помогать евреям, как только мог. Этим чехи отличались от венгров, лишь немногие из которых решились помогать евреям, за что и были удостоены звания Праведника среди народов.

Но вернемся к новой реальности нашей жизни.

Премьер-министр Венгрии Миклош Хорти был открытым антисемитом и поощрял дискриминационные указы в отношении евреев. Атмосфера изменилась не только в высших эшелонах государственной администрации, но и на улице. Наши соседи-христиане начали осыпать нас оскорблениями и проклятиями.

Постепенно наша повседневная реальность претерпела изменения. Венгерские власти принялись издавать законы, ограничивающие доступ евреев в общественные учреждения и публичные места. Вдобавок к этому издаваемые правительством директивы и рекомендации ограничивали наши возможности и не позволяли нам пользоваться равными правами.

Сначала эти меры вводились осторожно, но со временем новое отношение к евреям проступило со всей очевидностью и власти стали действовать открыто. Нам не разрешали заниматься свободными профессиями, двери университетов закрылись для еврейской молодежи, и притеснения охватывали все новые области и сферы. В первые же месяцы, последовавшие за падением Чехословацкой Республики, венгры мало-помалу изгнали евреев из всех правительственных и местных учреждений, а также из школ и больниц.

К 1940 году в городских школах не осталось ни одного еврейского учителя. Профессиональные неудобства и дискриминация распространились на многие другие сферы жизни: судьи-евреи потеряли свои должности, а число юристов-евреев, пытавшихся оставаться в профессии, неуклонно сокращалось. Врачи и фармацевты в основном работали частным образом, не афишируя свою деятельность.

Враждебность венгерского режима начала проявляться во всех сферах жизни.

Активные еще недавно молодежные движения вынужденно сокращали свою деятельность и продолжали ее в подполье, поскольку венгры не одобряли организацию молодых евреев. Знакомые и безопасные улицы города моего детства теперь несли угрозу, потому что открытый и узаконенный антисемитизм распространялся подобно лесному пожару.

Между евреями города и управлением местного образования существовало соглашение о том, что еврейские дети будут ходить в школу по субботам, но освободиться от письма, чтобы не нарушать религиозные законы. Я помню, как один венгерский учитель пытался настоять на том, чтобы мы, еврейские дети, писали в шаббат, и как он пришел в ярость, когда мы не подчинились. Однажды этот учитель собрал все школьные сумки еврейских детей в классе, в том числе и мою, и выбросил их в окно, заявив, что нас всех следует отправить в качестве

пушечного мяса для Гитлера. Это было ужасное оскорбление. Но мы все еще не понимали, к чему это приведет...

Отношение к нам наших соседей и друзей-неевреев тоже менялось не в лучшую сторону: местное христианское население демонстрировало враждебность, ограничивало контакты и в лучшем случае вело себя сдержанно. Сначала дело ограничивалось отдельными проявлениями недовольства и нежеланием поддерживать общение, но постепенно разделение и отчуждение становились все заметнее. Месяц шел за месяцем, и нам пришлось с огорчением и болью признать, что мы теряем давних друзей, которые исчезали внезапно, без какой-либо понятной нам причины. Годами мы вместе ходили в школу, вместе проводили каникулы, танцевали на одних и тех же вечеринках и состояли в одних и тех же спортивных клубах... И вот теперь, после многих десятилетий теплого и близкого сотрудничества и добрососедских отношений мы пришли к тому, что стали нежелательным меньшинством для местного населения.

Однажды этот учитель собрал все школьные сумки еврейских детей в классе, в том числе и мою, и выбросил их в окно, заявив, что нас всех следует отправить в качестве пушечного мяса для Гитлера. Это было ужасное оскорбление.

* * *

Время шло, и наше положение постоянно ухудшалось. В 1941 году власти провели перепись населения, и в следующем, 1942 году, основываясь на данных переписи, венгерские власти потребовали от евреев нашей области предъявить документальные доказательства того, что их предки жили в Венгрии в 1855 году. Те, кто не мог представить такие доказательства, подлежали депортации на восток – в Польшу.

Две старшие сестры моей матери, Мириам и Сарна, были замужем, но семьи их мужей не имели необходимых документов, подтверждающих факт пребывания их предков на территории Венгрии в указанное время. Они были депортированы в Каменец-Подольский в Польше, и поначалу мы время от времени получали от них письма. В 1942 году в районе, где они жили, появились расстрельные команды. После войны мы узнали, что маминых сестер и их семьи отправили рыть окопы, после чего всех расстреляли и захоронили в этих же окопах¹⁷.

Никто из них не выжил.

В конце 1942 года власти издали особенно суровый указ, который затронул практически всех проживавших в городе евреев. Согласно этому распоряжению всем мужчинам-евреям в возрасте 20–45 лет надлежало записаться в венгерскую армию, где формировались еврейские трудовые батальоны. Венгрия была союзницей Германии в войне и сражалась с Красной армией на Восточном фронте.

В прошлом, до войны, евреи вместе со своими товарищами-христианами записывались в чешскую армию, но теперь в регулярную венгерскую армию вступали только христиане. Евреев мужского пола правительство принудительно направляло в «специальные» трудовые батальоны для оказания помощи венгерской армии – одних на территории Венгрии, других – на завоеванных землях. Делалось это с целью установления силового контроля и твердой власти на отнятых у России территориях. Большинство еврейских мужчин выслались из Берегсаса на Украину, где строили укрепления и выполняли трудоемкие работы для немецкой армии.

¹⁷ В Каменце-Подольском немцы уничтожили 30 000 евреев. Самый массовый расстрел произошел в августе 1941 года, но казни случались до лета 1942 года.

Находясь там под непосредственным наблюдением солдат венгерской армии, они подвергались жестокому обращению. Помимо прочего, командование отправляло еврейские батальоны на минные поля – на автомобилях и пешими. Зимой 1942–1943 года тысячи еврейских подневольных рабочих замерзли насмерть, пройдя примерно тысячу километров по снегу, при сильных морозах, во время отступления с фронта после массированного наступления Красной армии.

Венгерские солдаты обращались с еврейскими подневольными рабочими как с рабами, со звериной жестокостью. Призванные в армию евреи знали, что побег или дезертирство обернутся большими неприятностями для их семей в Венгрии и товарищей по призыву. В результате тем, кто оказался в составе еврейского батальона, ничего не оставалось, как только стиснуть зубы и пытаться делать то, что можно, в свете мрачной реальности.

Пережить войну удалось лишь нескольким сотням призванных евреев. Едва ли не каждая семья в городе отправила в эти батальоны своих мужчин и юношей. Для нас это был сильный удар, но по сравнению с тем, что ждало евреев Польши, нашу жизнь в то время можно назвать относительно сносной.

Некоторые еврейские предприятия в Берегсасе даже выиграли от экономического бума, и все надеялись и пытались верить, что война скоро закончится, что надо держаться, пока не минует буря.

Венгерская армия забирала в трудовые батальоны как одиноких мужчин, так и женатых, у которых были дети.

Так забрали и моего отца.

После войны мы узнали, что маминых сестер и их семьи в Каменце-Подольском отправили рыть окопы, после чего всех расстреляли и захоронили в этих же окопах.

* * *

Мне было двенадцать лет, когда отца призвали в армию. Я плохо помню, как это случилось, однако по сей день чувствую то последнее объятие, которое он подарил мне перед уходом, и помню его просьбу, чтобы мы с Арнольдом постарались не расстраивать маму и помогли ей по мере сил. Да, дети в те времена тоже могли свести с ума родителей.

В тот день, когда ушел отец, мужчиной в доме стал я. Я помогал маме, как только мог, и старался не волновать ее. Поначалу папа приезжал домой в короткие, нечастые увольнительные. Память не сохранила подробностей, кроме горьких моментов расставания.

Призыв отца на военную службу ударил бы по финансовому положению нашей семьи намного сильнее, если бы не дядя Игнац (Ицхак), деловой партнер отца. В трудовой батальон его не взяли по возрасту, поэтому семейное предприятие продолжало функционировать, поддерживая нашу семью. Мой двоюродный брат, Моше, тоже работал на фабрике, но год спустя его забрали в трудовой батальон и предприятие закрылось.

Мало-помалу политика властей привела к полному запрету еврейской деловой активности.

Каждое лето до 1942 года я ездил с матерью навестить дедушку в Добрженице. После ухода отца в армию маме пришлось оставаться дома. Родители моей тети Розы жили в Кострине, неподалеку от Добрженице. Мы с тетей Розы садились на поезд и сходили у дедушкиной деревни. Он встречал меня на станции, которая находилась рядом с его домом, а потом я возвращался домой тем же путем в сопровождении тети. Эти поездки продолжались достаточно долго, даже в то время, когда земля уже дрожала под нами...

То были последние счастливые деньки в мире, который уже рушился.

* * *

1943 год ознаменовался еще более суровыми антиеврейскими законами, изданными венгерским правительством. Эти законы до предела ограничивали нашу повседневную жизнь. Указ, больше всего отразившийся на мне, заключался в том, что нам запретили ходить в школу.

Другим серьезным ограничением был изданный венгерским правительством закон, согласно которому запрещался кошерный забой скота. Практически все городские евреи соблюдали кашрут, и они не желали идти на компромисс в таком фундаментальном вопросе.

Когда запасы кошерного мяса закончились, евреям города пришлось искать способ обойти запрет, даже с риском для жизни.

Группа мужчин отвозила животных в Ардо, что в нескольких километрах от города, где их вдали от посторонних глаз и забивали по всем правилам.

В Ардо, тихом сельском районе, жила со своим мужем Германом и детьми папина сестра Фанни Мармельштейн. Я уже упоминал ранее, что часто бывал там со своей матерью и младшим братом.

Но однажды я отправился в Ардо с особой миссией...

Для совершения ритуального забоя скота требовался специальный большой нож. Венгерские солдаты, патрулировавшие дороги, время от времени обыскивали тех, кто казался им подозрительным. Если бы им попался мясник с ножом, используемым для забоя скота, его бы непременно арестовали. Я не помню, кто из взрослых пришел к нам домой и попросил помочь. Этот человек велел мне надеть длинные штаны, чтобы спрятать в штанину большой мясницкий нож. Взрослые считали, что солдаты вряд ли станут обыскивать двенадцатилетнего мальчика и шансов на успех у него намного больше.

Я засунул большой нож поглубже в карман брюк и прошел пешком несколько километров от города до бойни. Я сильно рисковал, но не боялся. Община нуждалась в кошерной пище, и я должен был помочь. На обратном пути нас действительно остановила венгерская полиция и потребовала предъявить документы. После проверки нас отпустили.

Как я уже писал выше, семья папиной сестры Мали, Лазаровицы, была партнером на фабрике, пока Моше не забрали в трудовые батальоны в 1943 году. Дети Лазаровицей были старше нас, а моя двоюродная сестра Илона, которую мы называли Ило, отличалась прекрасными умственными способностями. Она окончила среднюю школу с высокими оценками и переехала в большой город Мункач, чтобы получить профессиональное образование. Там она выучилась на больничную медсестру.

В 1943 году, когда власти приняли строгие правила, ограничивающие повседневную жизнь евреев, Илона поняла, что оставаться в этом районе опасно и ситуация может ухудшиться. Она решила, что самое лучшее и наиболее безопасное место на время войны – Будапешт. Ее решимости не сломали и возражения родителей, которые были против того, чтобы девятнадцатилетняя девушка ушла из дома в такое беспокойное время. Илона хотела уехать из Берегсаса и поступить на работу в еврейскую больницу в Будапеште. Она считала, что евреям в большом городе легче раствориться в местном населении и не выделяться так, как в небольших городах и деревнях.

Илона также знала, что в Будапеште действует тайное сионистское движение под названием «Пионерское подполье», объединяющее несколько сионистских молодежных организаций перед лицом общей угрозы для евреев Венгрии. Одним из членов подпольной организации был Дэвид Гросс (позже Дэвид Гур), директор Сионистской молодежной ассоциации, работавший в созданной подпольем мастерской для подделки документов и нелегальной переправки молодых людей в Румынию.

Именно с помощью таких организаций удалось спасти многих молодых мужчин и женщин. Подполье активно выступало против сотрудничества венгерских властей с нацистским режимом и помогло многим евреям бежать, пока это было еще возможно, даже после того как Будапешт был оккупирован немецкой армией.

Как я уже говорил, родители Илоны не поняли ее решения. Будапешт был далеко, и они предпочитали, чтобы семья оставалась вместе. В условиях общей неопределенности мои дядя и тетя опасались за судьбу дочери, если она отправится одна в большой город. Они пытались отговорить девятнадцатилетнюю Илону, но она твердо стояла на своем.

Моя двоюродная сестра Ило был единственным членом семьи, получившим образование и обладавшим острым чутьем, способностью предвидеть худшее и принимать соответствующие меры.

Она была права. Хотя Будапешт находился под немецкой оккупацией с 1944 года и далее, здесь можно было спрятаться. Подполье спасло многих евреев в городе с помощью поддельных документов, найдя для них убежища и раздав им талоны на питание. Илоне удалось избежать тех бед, которые обрушились на нас после того как немцы вошли в Бергсас.

В сентябре 1943 года, вскоре после отъезда Илоны, я отпраздновал свой тринадцатый день рождения. В соответствии с еврейской традицией я достиг возраста религиозного совершеннолетия.

За два дня до Рош ха-Шана я поднялся на кафедру, чтобы прочитав свою часть Торы в синагоге рядом с нашим домом.

В прошлом, до войны, наша община устраивала по поводу бар-мицвы большой радостный праздник, но в тот день, когда я поднялся на кафедру, никакого праздника или вечеринки никто не устраивал. Важнейшее событие, знаменовавшее мое вступление во взрослую жизнь, прошло в атмосфере далеко не радостной.

Символично, что этот день отразил ту печаль, которой были отмечены все мои подростковые годы.

Хотя Будапешт находился под немецкой оккупацией, здесь можно было спрятаться. Подполье спасло многих евреев с помощью поддельных документов, найдя для них убежища и раздав им талоны на питание.

Немецкая армия входит в Венгрию Март 1944 года

Вскоре после моей бар-мицвы дела пошли еще хуже.

Иштван Хорти, премьер-министр Венгрии, был антисемитом и поощрял все ограничительные декреты в отношении евреев, но, однако, отказался содействовать массовому уничтожению людей по расовому признаку несмотря на большое давление со стороны нацистской Германии. В начале 1944 года, когда Красная армия продвигалась на запад и все понимали, что Германия вот-вот проиграет войну, Хорти дал понять западным странам, что Венгрия заинтересована в переходе на их сторону и разрыве союза с Германией.

Немцы видели, что происходит, и опасались, что Хорти может объединить свои силы с Красной армией, которая приближалась к Карпатским горам. Гитлер знал, что в Венгрии много евреев, и хотел отправить их в Аушвиц, где промышленная машина смерти уже работала в полную силу. Нацистское руководство в Берлине осознало, что больше не может доверять Хорти, и 19 марта 1944 года немецкие армии вторглись в Венгрию.

Война близилась к завершению, и немцы не хотели упускать возможность уничтожить венгерских евреев. В оккупированной Венгрии было создано нацистское марионеточное правительство. Формально Хорти все еще оставался правителем страны, но нацисты провели операцию по уничтожению венгерских евреев в обход союзника и без его содействия.

Немцы действовали быстро и энергично, и история уничтожения к концу войны более полумиллиона венгерских евреев стала одной из трагических страниц холокоста.

В Венгрии они прибегли к тому же методу, который использовали по всей Европе – идентификация и регистрация евреев, изоляция их от остального населения, загон в гетто и депортация в лагеря смерти. Но в отличие от других европейских стран, где доступ к информации был шире, новости распространялись быстрее и где на тот момент намного глубже понимали происходящее, мы не знали ничего. Венгрия была отрезана от Европы, а поскольку массовые депортации в Польшу еще не начались, то и рассказать нам, что происходит, было некому.

* * *

Оккупировав Будапешт, немцы снесли здание еврейской больницы, где после бегства из Берегсаса годом ранее работала моя двоюродная сестра Илона. Персонал больницы перенесся вместе с медицинским оборудованием в близлежащую еврейскую школу и продолжил работу на новом месте. Частью этой команды была моя двоюродная сестра.

Тем временем в Берегсасе все шло своим чередом.

Даже после того как школа для меня стала недоступной, я продолжал ходить в хедер, сохранявший для детей своего рода образовательную среду. Последний хедер, который я посещал, размещался в доме раввина Гринвальда, где занятия продолжались почти до эвакуации в гетто. Мы стали старше, и учеба проходила на более продвинутом уровне, как в небольшой ешиве¹⁸.

Хедер находился рядом с домом моего дяди Лазаровица. После занятий я часто навещал их. Лазаровицы жили в большом, внушительном комплексе и, без сомнения, были самыми богатыми и авторитетными среди членов нашей семьи. После отъезда Илоны в Будапешт и направления Моше в трудовой батальон в доме остались дядя Игнац и тетя Малка, а также их дети, Магда и Барри. Барри учился в Мункаче и вернулся домой после того, как нас исключили

¹⁸ Ешива – высшее религиозное учебное заведение для изучения Устного Закона, главным образом Талмуда.

из школы. Моя тетя управляла магазином в центре города почти до самой нашей эвакуации в гетто.

31 марта в Бергсас вошло гестапо. Мы были обречены.

Незаметно для нас удавка медленно затягивалась на наших шеях.

Сразу после немецкой оккупации евреи получили новые инструкции, требовавшие, чтобы мы ходили с нашитой на одежду желтой звездой Давида. Вскоре поползли слухи, что немцы сгоняют евреев нашего района в гетто, чтобы, собрав их в одном месте, организованно отправлять на работы.

Важно напомнить, что к тому времени в нашем сообществе остались только пожилые мужчины, женщины и дети. Молодых людей, которые могли бы активно противостоять происходящему, не было, а если бы они и были, то поделать ничего бы не могли. Общее мнение сводилось к тому, что соблюдение руководящих указаний позволит нам продержаться до конца войны. А значит, самое правильное поведение – это склонить голову и подождать, пока буря пройдет.

Мы знали, что немецкая армия уже отступает по всем фронтам, и в наших сердцах жила надежда на скорое, полное и неминуемое поражение нацистской Германии. Но вскоре суровая реальность предстала перед нами во всей мрачной жестокости.

Новые правительственные указы предусматривали полный запрет на посещение кафе, поездки на поезде, посещение синагоги и появление на улице после шести вечера. Полиция следила за соблюдением этих правил со всей строгостью, требуя полного и беспрекословного повиновения. К сожалению, значительную помощь в насаждении новых установлений оказали немцы.

Сразу после немецкой оккупации Венгрии евреи получили инструкции, требовавшие, чтобы мы ходили с нашитой на одежду желтой звездой Давида. Вскоре поползли слухи, что немцы сгоняют евреев нашего района в гетто, чтобы организованно отправлять на работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.